

Научная статья
УДК 94(47+57):373.3
doi: 10.17223/19988613/79/2

Формирование системы школьного образования в районах строительства БАМа (1970–1980-е гг.)

Николай Сергеевич Байкалов

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия, baikalov@bsu.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности становления общеобразовательной школы в районах БАМа в 1970–1980-е гг. По архивным документам и воспоминаниям современников проанализированы процессы строительства, материально-технического и кадрового обеспечения учебных заведений. Выявлены причины отставания в возведении школ, особенности организации учебной и внеклассной работы. Описаны социально-бытовые условия жизни учителей, а также иные факторы, формировавшие трудовую повседневность педагогов новых городских поселений.

Ключевые слова: поздний социализм, Байкало-Амурская магистраль, общеобразовательные школы, школьная реформа, школьная повседневность

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43043.

Для цитирования: Байкалов Н.С. Формирование системы школьного образования в районах строительства БАМа (1970–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 12–25. doi: 10.17223/19988613/79/2

Original article

School education system in the Baikal-Amur Mainline construction regions (1970–1980s)

Nikolai S. Baikalov

Buryat State University after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, baikalov@bsu.ru

Abstract. The history of the late Soviet comprehensive school in the areas of socialist construction projects in Siberia and the Far East is unevenly developed in contemporary historiography. The purpose of the paper is to study the historical experience of the formation and development of the school system based on the materials of the Baikal-Amur Railway Mainline construction regions during the 1970s and 1980s. The empirical basis consists of the oral stories of contemporaries of the All-Union construction, recorded during the researcher fieldwork in the settlements of the western part of BAM (2002–2020), archival sources, materials of the Soviet press. The combination of the traditional historical-documentary approach with the methods of oral history and everyday life history made it possible to reconstruct the complicated process of forming schools in the BAM regions in microhistorical and historical-anthropological aspects. Comprehensive schools' chain was formed during a short period of the mainline construction. There were distinguished four main types of schools by origin: the schools of "old" settlements that existed before BAM; schools placed in temporary buildings for children of BAMers; located in permanent structures schools of the territorial education system and railway jurisdiction department.

School construction constantly lagged behind the needs of the population, which was caused by the residual principle of financing, the dispersal of funds to many facilities, departmental fragmentation in the process of schools' construction, delays in the development of project documentation, etc. In turn, this led to congestion of class-sets, a three-shift work schedule, and the abandonment of electives, circles, and extended-day groups. The material and technical condition of schools was also at a low level: the heat control was not maintained in classrooms, there was no special furniture and educational equipment, and there were interruptions in the organization of hot meals and medical services for children.

At the same time, schools at BAM surpassed the educational institutions of neighboring regions in many indicators of the educational process efficiency (polytechnic, the introduction of innovative teaching methods, other diversification forms of education), which was achieved due to the teachers' personal enthusiasm and their young age, the weakness of party-ideological control in the areas of new development, cultural exchange between representatives of different regions of the country who took part in the all-Union construction. Schools had not only educational functions, but also were the centers of socio-political and cultural life of builders (sports competitions, amateur performances, tourism, etc.).

After the end of the Komsomol construction, due to the outflow of builders, the unprofitability of the railway, and the uncertainty of the future prospects of most settlements of BAM, it was not possible to use all the capacities of new schools. In the result, a part of the school fund was transferred to other departments or dismantled.

Keywords: late socialism, new development area, Baikal-Amur Railway Mainline, comprehensive schools, school reform, polytechnic schools, teaching staff, everyday life

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 21-09-43043.

For citation: Baikalov, N.S. (2022) School education system in the Baikal-Amur Mainline construction regions (1970–1980s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 12–25. doi: 10.17223/19988613/79/2

Исторический опыт формирования городских поселений в районах нового промышленного освоения свидетельствует, что общеобразовательные школы всегда выполняли важную градообразующую функцию. В условиях географической удаленности от развитых промышленных центров, сурового климата, слаборазвитой транспортной и социальной инфраструктуры школы представляли собой не только образовательные учреждения, но и центры общественно-политической и культурной жизни местных сообществ. До сих пор в сознании обывателя представление о значимости населенного пункта выстраивается из знаний о наличии / количестве находящихся в нем школ.

Современная историография школьного образования позднесоветского периода содержит большое количество работ, в разной степени охватывающих сибирские и дальневосточные регионы. Наиболее тщательно исследованы школы нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. [1–3]. Частично проблемы школьного образования освещались в работах по истории социально-бытового развития молодых сибирских городов [4–6], а также в обобщающих трудах по формированию новых территориально-производственных комплексов Сибири [7, 8]. В данной работе рассматриваются основные аспекты становления и развития системы школьного образования в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) в 1970–1980-е гг.

Методологическая база исследования лежит в области пересечения нескольких направлений современной историографии, прежде всего истории повседневности, устной истории, теории нарративной памяти. Проведенные в районах западного участка БАМа полуструктурированные интервью с учителями и выпускниками бамовских школ, а также с бывшими чиновниками муниципальных отделов образования позволили реконструировать сложный и многогранный процесс формирования школ в районах всесоюзной стройки из антропологической и микроисторической перспектив. Наряду с личными свидетельствами эмпирическую основу работы составили фонды центральных (РГАЭ, РГАСПИ), региональных (ГАИО, ГАРБ, ГАЗК) и местных архивов. При анализе источников автор опирался на теорию «перформативного сдвига» А. Юрчака, а также на вырастающий из нее тезис о высоком потенциале диверсификации позднесоветского школьного образования.

Строительство БАМа стало одним из наиболее крупных проектов позднего социализма, призванным

укрепить ослабевший энтузиазм советских граждан и направить их социальную энергию на внутренние новации. Основной объем работ по сооружению магистрали пришелся на 1974–1989 гг., когда БАМ был провозглашен всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По замыслу проектировщиков, новая магистраль должна была разгрузить Транссиб, сократить расстояние транзитных грузоперевозок к тихоокеанским портам, а также открыть доступ к минерально-сырьевым базам северных территорий страны. При районировании БАМа, выполненном учеными ИЭОПП СО АН СССР, было выделено три основных участка строительства – западный, центральный и восточный. Западный участок, в свою очередь, проходил через территории Иркутской области (Усть-Кутский и Казачинско-Ленский районы), Бурятской АССР (Северобайкальский и Баунтовский районы), Читинской области (Каларский район), Якутской АССР (Нерюнгринский район).

С первых лет ударная комсомольская стройка привлекала трудовых мигрантов со всех концов СССР. По оценкам экспертов, за полтора десятилетия только на западном участке побывало 1,5–2 млн рабочих [9. С. 59]. Планируемая система расселения и культурно-бытового обслуживания включала три типа поселений: крупные многофункциональные центры, расположенные за пределами зоны строительства (Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск, Владивосток); опорные города, находящиеся непосредственно в зоне БАМа (Усть-Кут, Северобайкальск, Нерюнгри, Тында); опорные центры промышленных узлов и рабочие поселки с численностью 10–15 тыс. человек [10. С. 120].

Однако из-за больших расстояний между населенными пунктами и трудностей в организации транспортного сообщения с развитыми центрами южного промышленного пояса в первоначальную схему были внесены коррективы. В результате все поселения в зоне БАМа можно разделить на следующие группы. В первую очередь это расположенные вдоль трассы «старые» населенные пункты, которые возникли задолго до начала стройки (Усть-Кут, Нижнеангарск). Многие из них получили новый импульс развития и превратились в центры обслуживания магистрали. Другие приобрели временное значение, утраченное после передислокации строителей на другие участки. Ко второй группе относились «новые» поселения, в которых были сосредоточены основные объекты производственной и социальной инфраструктуры стройки (Северобай-

кальск, Магистральный, Таксимо, Новая Чара). После окончания строительства они должны были превратиться в центры индустриального освоения региона. Третью группу составляли временные рабочие поселки, создававшиеся на период сооружения какого-либо долгосрочного объекта (например, поселки тоннельщиков Гранитный, Гоуджекит, Тоннельный, Северомуйск, мостостроителей – Якурим, Витим).

Накануне объявления всесоюзной комсомольской стройки районы будущего БАМа располагали немногочисленной и отсталой в материально-техническом отношении сетью школ, не покрывавшей потребности населения. В Усть-Кутском районе Иркутской области функционировало 24 школы на 4 570 мест при общем количестве обучающихся в 7 тыс. человек [11. Д. 155. Л. 35]. В Северо-Байкальском районе Бурятской АССР насчитывалось 10 школ, самыми крупными из которых были средняя и восьмилетняя школы в пос. Нижнеангарске общей мощностью 900 мест [12. Д. 143. Л. 3]. Помещения, в которых размещались школы, были построены в послевоенное время и нуждались в капитальном ремонте. Из письма выпускницы Нижнеангарской восьмилетней школы Галины Забегалиной вырисовывается портрет типичного учебного заведения: «Первого сентября 1975 г. я перешагнула порог Нижнеангарской восьмилетней школы. Одноэтажное деревянное здание, коридор и несколько кабинетов с деревянными партами периода всеобщей ликвидации неграмотности и на сотню раз перекрашенными классными досками. В школе было печное отопление. Вся площадь школы была меньше школьного спортзала в улан-удэнской школе № 14» [13. С. 247].

Из-за нехватки школ и дошкольных учреждений строителям негласно запрещалось перевозить с собой семьи. Руководителям строительных предприятий предписывалось не принимать рабочих с детьми. В результате сложилась неформальная практика перевозить свои семьи после трудоустройства и получения прописки, которая, в свою очередь, давала право встать в очередь на жилье [14. С. 1010]. Таким образом, уже в первый год на стройке появились дети, часть которых была вынуждена провести зиму в палатках.

Форсированное наращивание мощностей существующих школ достигалось за счет реорганизации начальных школ в средние, переуплотнения классов, сооружения дополнительных корпусов. Рассчитанная на 320 мест Усть-Кутская средняя школа была вынуждена вместить 964 ученика [11. Д. 170. Л. 23]. Нижнеангарские школы уже в сентябре 1975 г. увеличили число своих учащихся более чем на 400 ребят [15. С. 151].

Местные школы были не в состоянии принять всех нуждающихся не только из-за недостатка учебных площадей, но из-за невозможности транспортировки детей со стройучастков. Поэтому во временных поселках строителей стали создаваться собственные «бамовские» школы. Инициатива по их организации часто исходила от руководителей строительных предприятий. Учитель средней школы пос. Магистрального вспоминает: «Начальник поезда здесь был Коротнев Анатолий Константинович, легенда наша, вот он, поскольку у него дочка и сын подрастали, организовал

небольшой класс. В него записались пять человек – детей инженерно-технических работников. Школу разместили в приспособленном щитовом здании. Но она начала работать не с первого сентября, а когда уже родители стали подъезжать с детьми, где-то в ноябре семьдесят четвертого года»¹.

При этом в проекте организации строительства возведение школ для транспортных строителей не предусматривалось. Все работы осуществлялись собственными силами трестов и управлений, носили внеплановый характер и финансировались из отведенного на временные здания и сооружения лимита в размере 15% от сметной стоимости основного объекта. Анализ существующей документации показал, что при выборе типовых проектов зданий временных школ скольконибудь серьезных расчетов по оценке и прогнозу роста / сокращения численности населения, рождаемости или миграционной активности не проводилось.

Новые школы возникали стихийно, по мере продвижения рабочих с запада на восток и развертывания базовых поселков строительных организаций. Первой на западном участке БАМа стала школа пос. Звездного проектной мощностью в 320 мест. На момент открытия 2 сентября 1974 г. в нее поступили всего 42 ученика. Однако уже к концу учебного года контингент учащихся вырос в пять раз [16. Д. 4. Л. 89–90]. В течение 1975–1976 гг. школы были устроены во всех бамовских поселках иркутского, а также в нескольких пунктах бурятского участка стройки, включая Магистральный, Улькан, Северобайкальск, Новый Уоян и Тоннельный. В большинстве случаев школа открывалась вместе с организацией нового поселка. Исключением стал Северомуйск, где запуск школы запоздал на два с половиной года. В течение этого времени детей ежедневно доставляли на учебу на рабочем транспорте в пос. Тоннельный, расположенный у западного портала Северо-Муйского хребта [17. Д. 6. Л. 18–19]. Нередко из-за имевшихся недоделок официальное открытие школы могло произойти и через год после фактического начала работы.

Относительно высокие темпы создания школ объяснялись тем, что здания возводились во временном исполнении с использованием непросушенного леса и сборно-щитовых конструкций. Уже в первые годы эксплуатации было обнаружено много брака, о чем директора школ регулярно сообщали властям. Претензии нередко высказывались к остеклению окон и навешиванию дверей, которые в школьных архивах называют не иначе как «бутафорные двери». Неутепленные и плохо подогнанные полы закрывались линолеумом, который быстро приходил в негодность [18. Д. 516. Л. 131].

В последнюю очередь, в 1980–1981 гг., были сданы школы на читинском и якутском участках трассы (Икабья, Куанда, Леприндо, Новая Чара, Сьюлбан, Кодар и Хани). Всего за первые пять лет вдоль западного БАМа было построено более 20 общеобразовательных школ, что при имевшихся темпах роста населения не покрывало и половины потребности [19. Д. 3825. Л. 88–109].

Минпрос РСФСР не принимал на баланс расположенные во временках бамовские школы, поэтому их

содержание возлагалось на базовые предприятия. С завершением строительных работ временные поселки планировалось заменить постоянными, в которых должны были разместиться общеобразовательные школы территориального и ведомственного подчинения. Строительство первых осуществлялось силами генподрядных трестов и рассматривалось как «помощь» местному образованию. Железнодорожные школы входили в проекты эксплуатационных поселков, в возведении которых были заняты шефские организации из 13 союзных республик и 22 автономных единиц РСФСР [20. С. 11].

К концу 1970-х гг. лимит на сооружение гражданских объектов во временном исполнении был исчерпан. Например, по бурятскому участку было освоено 70 из 72 млн руб., выделенных на «временку» [21. Д. 2. Л. 224–225]. В то же время проведенные Минтрансстроем проверки показали, что строительство постоянных зданий для школ почти не осуществлялось. В 1979 г. на иркутском участке из пяти предусмотренных проектом капитальных школ мощностью 2 336 мест было начато только одно здание в пос. Звездном [19. Д. 2941. Л. 120–126]. Аналогичным образом складывалась ситуация и на бурятском участке, где шефы приступили к сооружению постоянных поселков только в 1982 г., и в результате вплоть до 1984 г. там не было построено ни одного капитального школьного здания.

В качестве причин сложившейся ситуации строители называли отсутствие генпланов постоянных поселков, серьезные недоработки в типовых проектах зданий и частые корректировки проектно-сметной документации, «некомплексность» застройки с отставанием в возведении инженерных сетей, распыление ресурсов на разные объекты, приоритетное финансирование основной программы строительства, связанной с укладкой железнодорожного пути. Кроме того, существовали проблемы с объемами и качеством поставляемых стройматериалов. Например, в Северобайкальске по ПМК «ЛенинградБАМстрой» плановые поставки кирпича и цемента составляли 24%, железобетонных изделий – 72%. Из-за задержки запуска Шимановского комбината Главленинградстрой вынужден был завозить комплектующие непосредственно из Ленинграда с пятью перевалочными пунктами, что отрицательно сказывалось на сохранности изделий [Там же. Д. 3392. Л. 128–135].

Депутаты районных и городских советов постоянно критиковали строительные организации за срывы планов ввода учебных заведений. На одной из сессий депутаты Усть-Кутского горсовета с раздражением отмечали, что за весь период сооружения БАМа городская сеть образования пополнилась двумя пристроями к школам. При этом более 2/3 учащихся города составляли дети бамовцев. В то же время строители возвели капитальные многоэтажные здания для размещения офисов трестов «ЗапБАМстроймеханизация», «ЛенаБАМстрой», СМП-286 и прочих подразделений общей стоимостью в 2,5 млн руб. «На такие деньги и материалы можно было построить столько детских учреждений, что не было бы сегодняшнего ужасного переполнения школ, отсутствия мест в детских садах, не загоняли бы подростков в подвалы», – отмечал

в своем докладе председатель горсовета [11. Д. 513. Л. 44–46].

До начала комсомольской стройки в районах будущего БАМа имелась только одна железнодорожная школа № 98 станции Лена (Усть-Кут). В 1979 г. рабочими «СтавропольБАМстрой» был введен в эксплуатацию новый трехэтажный корпус школы мощностью 1 124 места. После учреждения в октябре 1980 г. Байкало-Амурской железной дороги начинает разворачиваться ведомственная школьная сеть МПС. Были открыты школы на станциях Северобайкальск (1981), Ния (1982), Улькан (1983), Звездная, Киренга и Кунерма (1984), Новый Уоян (1986), Кичера и Ангоя (1987), Икабья и Хани (1988), Таксимо и Новая Чара (1989) [22. Л. 1–2]. В отличие от школ Минтрансстрой, возводимых исключительно по типовым проектам временных зданий, учебные заведения железнодорожников представляли постройки, выполненные в постоянном исполнении.

Межведомственная разобщенность отрицательно сказывалась на развитии местного образования. Показателен в этом смысле пример пос. Улькана, где на смену зданию временной средней школы № 1 Минтрансстрой и МПС запланировали построить две капитальных школы, причем мощность каждой ограничивалась примерной оценкой численности «своего» контингента. Проект МПС предусматривал возведение восьмилетней школы с небольшими классными комнатами вместимостью 20 учеников каждая. Обучение старшеклассников должно было проходить в средней школе № 22 станции Киренга (Магистральный), расположенной в 45 км от Улькана. В ситуацию попыталась вмешаться местная власть. Председатель Ульканского поссовета А.Т. Бурлаков обратился в комиссию Госстроя СССР с предложением построить в поселке одну «полноценную» школу. Не добившись положительного решения, он опубликовал статью с заголовком «Еще не поздно» в журнале «Советы народных депутатов», в которой писал: «Мы не можем допустить раздробление средств на строительство и содержание нескольких школ в поселке, имеющем население немногим более 6 000 жителей и учащихся более 1 100 человек» [23. Д. 434. Л. 144–145]. Однако все усилия были напрасными, и в Улькане были построены две маломощных школы, после ликвидации отделения БАМЖД объединившихся в одну среднюю школу № 2. Бывший глава районной администрации вспоминает: «Мы предлагали в свое время объединить усилия и построить одну большую школу, с хорошим спортзалом, классами, бассейном. Но ведомства уперлись рогами в землю, у каждого же свои фонды, зачем отдавать кому-то... Потом уж, когда я стал во власти работать, понял, что просто надо было выходить на председателя правительства (председателя Совета министров СССР. – Н.Б.) и его убеждать»².

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 651 «О мерах по дальнейшему строительству БАМ» от 12 июля 1985 г. технические проекты отдельных участков по объемам непроизводительного строительства были скорректированы. Сметная стоимость социальных объектов возросла на 106,7%

и составила 86 млн руб. По уточненным проектам предусматривался ввод в эксплуатацию школ на 24,7 тыс. мест, что превышало первоначальные лимиты на 7,9%. Однако нарастание кризисных явлений в экономике страны привело, напротив, к сокращению инвестиций. В 1986 г. сооружение социальных объектов было профинансировано на 83,3%, в 1987 г. – на 92,3% [19. Д. 7000. Л. 10]. Завершение запланированных зданий ежегодно переносилось, пока с распадом советского государства строительная программа БАМа не была окончательно свернута. В результате средняя обеспеченность населения школами в поселках западного участка колебалась в пределах 50–65% к нормативу [24. Д. 2. Л. 11]. Нехватка учебных площадей стала одной из центральных проблем школ новых городских поселений.

Переуплотненность наблюдалась во всех учебных заведениях вне зависимости от ведомственной принадлежности. В 1979–1980 учебном году в Северобайкальской школе № 2 обучались 985 учеников вместо планируемых 560, в Звезднинской – 410 вместо 320, в Магистральнинской – 1 073 вместо 392, в Ульканской – 1 213 вместо 692, в Новоуоянской – 740 вместо 320, в Северомуйской – 1 200 вместо 820 [23. Д. 434. Л. 151; 25. Д. 487. Л. 135]. Проблему с местами не удалось решить вплоть до сдачи магистрали в постоянную эксплуатацию. В 1989 г. в Усть-Куте на 5 592 посадочных места в школах приходилось 10 886 учащихся, в Северобайкальске на 3 516 мест – 5 600 [11. Д. 586. Л. 85–92]. Из-за запаздывания сооружения постоянных поселков учебных площадей не хватало и в ведомственной сети. Например, рассчитанная на 1 070 учеников средняя школа № 98 станции Лена фактически вмещала 1 800 человек [Там же. Д. 513. Л. 44–46].

Хронический дефицит учебных мест школы старались компенсировать работой в три смены, проведением занятий в непредназначенных для учебы помещениях (столовые, спортзалы, подсобные комнаты), отказом от работы кружков и групп продленного дня. Например, в Звезднинской средней школе учебные занятия проводились с 7 до 23 часов. Уроки физкультуры были перенесены в коридоры здания, а от трудового обучения, «продленки», внеклассной работы пришлось полностью отказаться [16. Д. 4. Л. 40]. В нескольких школах читинского участка стройки детей в классах сажали по три человека за одну парту [18. Д. 516. Л. 128]. В Северобайкальской школе № 3 занятия двух классов проводились в спортзале. Из-за нехватки мест во многих учебных заведениях отсутствовали помещения для учительских, библиотек, мастерских и т.д.

Еще одной трудновыполнимой задачей школьного руководства являлось поддержание в помещениях нормального температурного режима в холодное время года. Архивные документы свидетельствуют, что во многих корпусах температура не превышала 10–15°C. Дети вынуждены были сидеть на занятиях в верхней одежде. Например, в Звезднинской средней школе в первый год работы максимальная температура в 16°C продержалась только три дня, все остальное время приходилось обучаться при 5–9°C. В результате проведенного медосмотра 80 из 220 учащихся «нуждались в немедленном лечении» [16. Д. 4. Л. 89–90].

Нарушения температурного режима были вызваны низким качеством строительных материалов, прежде всего использованием непросушенного бруса, конструктивными недостатками сборно-щитовых зданий, которые в народе нередко называли «сборно-щелевыми», частыми повреждениями комплектующих при транспортировке, строительным браком, допущенным при наспех организованном монтаже, и пр. В строящихся поселках отсутствовала централизованная система отопления. Каждый микрорайон отапливался своей локальной котельной, мощности которой обычно не хватало для обслуживания всех, в том числе вновь подключенных объектов. В целях экономии ресурсов отопительный сезон начинался в ноябре и заканчивался в марте, что неприемлемо для районов, приравненных к Крайнему Северу.

Аварии на теплосетях в таких условиях превращались в настоящие бедствия для местных жителей. Учитель химии из Нового Уояна, где в зимнее время столбик термометра опускался до –50°C, вспоминает: «В первую зиму система у нас замерзла, детей мы отпустили, а сами дежурили по два часа, размораживали... Выйдешь, возле костра погреешься и назад дежурить. Все же деревянное было, следили, чтобы не случилось пожара. Отогрели классы, и опять занятия пошли»³. Электрообогрев помещений при отсутствии регулярного электроснабжения также не спасал школы и другие учреждения от холода.

С низкими температурами школы сталкивались и в 1980-е гг. Вследствие переполненности износ учебных корпусов происходил более быстрыми темпами. В муниципальных бюджетах предусматривались средства на побелку и покраску зданий. Капитальный же ремонт ложился на плечи базовых предприятий, зависел от наличия свободной рабочей силы и строительных материалов, часто осуществлялся несвоевременно и в неполном объеме. Так, в 1980–1981 учебном году в Ульканской средней школе не работала канализация и не отапливался один из корпусов, в Магистральнинской – не было произведено остекление окон. В зимнее время занятия в этих двух школах посещали только 50% учащихся [23. Д. 434. Л. 158; Д. 419. Л. 14].

Еще одна характерная черта повседневности баумовских школ – перебои в обеспечении учащихся питанием. Поскольку мощностей и ресурсов местной потребкооперации явно не хватало, организация школьного общепита возлагалась на отделы рабочего снабжения строителей (ОРСы). Из-за дефицита площадей, перебоев с водо- и электроснабжением, отсутствия канализации питание детей часто организовывалось за пределами школ, в расположенных поблизости рабочих столовых. Реализация данного подхода была сопряжена с множеством трудностей нормативного, организационного, санитарного характера. Однако для ОРСов такое временное решение было удобным, так как позволяло экономить материальные и трудовые ресурсы. Даже с обустройством собственных школьных столовых и буфетов их работа регулярно прерывалась. Например, в течение 1980 г. горячее питание детей отсутствовало в Северомуйской, Кичерской, Новоуоянской, Тоннельной и Нижнеангарской шко-

лах, т.е. практически вдоль всего бурятского участка стройки [25. Д. 487. Л. 60].

В школьных столовых наблюдалось переуплотнение: по 10–12 человек на одно место. Для обслуживания большого количества учащихся требовалось 12 перемен продолжительностью 15–20 минут, но в условиях двух- и трехсменного режима работы можно было сделать только 8 перерывов по 10 минут каждый. Поэтому учащиеся были вынуждены питаться в спешке, часто стоя. По этой же причине в школах отсутствовала возможность обеспечить диетическое питание, в котором нуждались более половины детей [24. Д. 134. Л. 77].

Школьные столовые на БАМе отличало однообразие рациона, характерное для многих северных регионов и районов нового экономического освоения. В меню отсутствовали свежие овощи и фрукты, натуральные молочные продукты, на что регулярно обращали внимание контролирующие органы. Успешно решить эти проблемы силами собственных подсобных хозяйств в условиях вечномерзлотных грунтов школам не удавалось. Тем не менее образовательные учреждения устраивали свои теплицы, заключали договоры о поставках свежей продукции с местными сельхозпроизводителями.

Материально-техническая база новых школ также находилась в неудовлетворительном состоянии. В учебных классах отсутствовали специализированная мебель, учебное оборудование, не хватало учебников, спортивного инвентаря, наглядных пособий. Учитель истории Магистральнинской средней школы вспоминает: «В селе Ермаки почти одновременно с нашей (школой. – Н.Б.) плановая школа сдавалась. Так там все от атласов до штативов было, полный набор карт, набор наглядных таблиц. У нас в Магистральном школа внеплановая, всего не хватало. Сами рисовали карты по истории, слайды на кодоскоп. И такие дорожные книги шли в библиотеку посылками, а простых учебников не хватало. Проекторы пришли, а диафильмов нет. В отпуск поедешь или в командировку, оттуда привезешь; что-то студенты отправляли или однокурсники с большой земли»¹.

В большинстве случаев оснащение школ ложилось на плечи самих педагогов. Например, первый директор организованной в 1980 г. Таксимовской средней школы Е.Б. Зуева была вынуждена в течение ряда лет курсировать между поселком, районным и областным центрами, чтобы обеспечить учащихся самым необходимым: «Школа представляла собой щитовое здание из пяти кабинетов. Самодельные деревянные лавки и столы. Отопления не было вплоть до середины ноября. Никаких книг, тетрадей, методичек... Чтобы ликвидировать эту неустроенность, я была вынуждена на перекладных с двумя коробками и рюкзаком за спиной возить грузы. В 1982 г. по Витиму вывезла груз три машины с мебелью. Когда открылась железная дорога, то собственноручно с напарницей загрузили вагон мебели и добрались до места на третьи сутки»⁴.

Выделяемые муниципалитетами средства на закупку инвентаря, оборудования и учебных пособий часто не осваивались из-за исчерпанности лимитов баз проснаб и учснаб. Например, анализ бюджета Северо-

Байкальского района показал, что остаток средств по данной статье ежегодно составлял от 40 до 60% [25. Д. 487. Л. 59]. Школы пытались решить эти проблемы, обращаясь напрямую к базовым предприятиям. В качестве временного решения строители оснащали подшефные школы неспециализированной мебелью, в том числе произведенной в собственных мастерских. Оригинальный выход нашли в средней школе пос. Леприндо Читинской области, где ребята каждый переносили за собой стулья из класса в класс [18. Д. 516. Л. 128].

В целом неблагоприятные условия обучения приводили к высокой заболеваемости школьников. Проведенное на иркутском участке БАМа обследование показало, что из-за несоответствия санитарным нормам 60% мебели и оборудования у детей наблюдалась прогрессирующая динамика в патологиях опорно-двигательного аппарата. Если среди первоклассников было выявлено 11,5 случаев нарушения осанки на 1 000 учащихся, то среди пятиклассников – уже 108 случаев. Низкая освещенность учебных комнат (20–70 Лк при норме / в 150 Лк) приводила к развитию миопии, которая выявлялась у 78 из 1 000 первоклассников и у 403,4 из 1 000 девятиклассников. Также у детей фиксировался рост хронических заболеваний органов дыхания, почек, желудочно-кишечного тракта. В итоге 20% учащихся освобождалось от занятий физкультурой [11. Д. 586. Л. 85–92]. В целом по стране свыше половины выпускников средних школ имели отклонения в состоянии здоровья. По данным Минздрава СССР, за время обучения с первого по восьмой класс доля детей, страдающих близорукостью, увеличивалась с 3 до 30%, нервно-психическими расстройствами – с 15 до 40% [26. С. 41].

С началом реализации школьной реформы 1984 г. в жизни общеобразовательных учреждений произошли важные изменения. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда» при школах создавались мастерские, кабинеты автодела, подсобные хозяйства, организовывались межшкольные учебно-производственные комбинаты [27. С. 192]. С помощью базовых предприятий школы приобретали оборудование для учебных классов и мастерских. Примером сравнительно успешного сотрудничества школы и производства являлась Звезднинская средняя школа. СМП-266 в школе были оснащены мастерские, подарена теплица. Летом 1984 г. было организовано трудовое школьное лесничество, силами которого за год было посажено лесных культур на 75 га, собрано 350 кг еловой шишки. В ученических производственных бригадах школьники занимались ремонтом мебели и хозяйственного инвентаря, оборудованием спортивных площадок и пр. [16. Д. 104. Л. 99–100].

Однако степень оснащенности общеобразовательных учреждений не стоит переоценивать. Исследователи школьной реформы в Сибири неоднократно обращали внимание на тот факт, что для оснащения кабинетов / и мастерских предприятия выделяли некомплектные машины и оборудование с высокой степенью износа [3. С. 24]. Несмотря на официальные заявления о важ-

ности укрепления связи образования с практикой, в педагогическом процессе продолжало преобладать «меловое» обучение. Знакомство школьников с производством предполагало в основном пассивное созерцание, а не самостоятельную работу с приборами, инструментами или машинами [28. С. 206–207]. Из-за нехватки площадей под мастерские и кабинеты ручного труда, недостатка учителей технического труда и мастеров производственного обучения, отсутствия производственных заданий по выполнению заказов предприятий и организаций большинство общеобразовательных учреждений не выполняло программы трудового обучения.

В целях «сближения» образования и производства базовые предприятия были обязаны выделять рабочие места для старшеклассников. В силу дислокации строительных предприятий практически в каждом поселке, масштабных инвестиций, доступности и разнообразия строительной техники политехнизация бамовских школ должна была протекать более успешно, чем в других регионах. Однако рабочие допускали школьников к производству крайне неохотно. Сдерживающими факторами выступали высокий производственный травматизм и неудовлетворительное состояние рабочих мест, которое проявлялось в нарушениях норм освещенности, загазованности, температуры, гигиены, а также в нехватке спецодежды и средств индивидуальной защиты [29. С. 233]. Кроме того, постоянная гонка за плановыми показателями, премиями, званиями приводила к форсированию темпов и сроков сдачи объектов, что существенно ограничивало и без того узкую сферу применения детского труда.

В итоге организация ученических рабочих мест на предприятиях носила формальный характер. Например, в Улькане из-за нехватки швейных машин в местном доме быта не было организовано практическое обучение швей. Обучавшиеся на базе СМП-571 слесарному делу школьники в течение всего учебного года изучали основы техники безопасности и занимались уборкой мусора на стройучастках [30. Д. 68. Л. 35–38]. С похожими проблемами столкнулись учащиеся Кунерминской средней школы, где базовое предприятие СМП-582 вопреки договорным обязательствам сумело организовать рабочие места только по двум профессиям из десяти рекомендованных специальным перечнем [31. Д. 92. Л. 76–80].

С 1 сентября 1986 г. школы начали работать по новым типовым учебным планам, выделялись дополнительные часы на трудовое обучение, этику и психологию семейной жизни, профориентирование и другие дисциплины [32. С. 323–334]. С появлением в программе курса «Основы информатики» остро встал вопрос оснащения кабинетов компьютерной техникой. Во всех школах Усть-Кутского района обучение информатике осуществлялось «на доске» вплоть до 1987 г. В Северобайкальске единственный оснащенный ЭВМ кабинет школы № 6 был организован как межшкольный компьютерный класс.

Начавшийся в это время поэтапный переход на обучение детей с шести лет в районах БАМа постоянно откладывался в связи с нехваткой свободных площадей. По нормативам каждому классу-комплекту ше-

стилеток требовалось по три комнаты (учебная, игровая и спальная). Первые две шестилетние группы общим количеством в 60 детей были открыты в Северобайкальской школе № 2 в 1987 г. В Усть-Куте от обучения шестилеток пришлось отказаться вплоть до 1989 г. [11. Д. 438. Л. 83–84].

Изменения коснулись также организационно-управленческой деятельности. В 1988 г. были проведены выборы директоров школ, созданы общественные советы по народному образованию. К работе педсоветов стали привлекать секретарей комитетов комсомола и учкома. После объединения инспекторской и методической служб отделов образования школьные администрации стали проверять работу учителей, а инспекторы – контролировать руководство школ [24. Д. 15. Л. 7–8]. В соответствии с инструкциями по оценке поведения, прилежания к учению и общественно-полезному труду старшеклассникам было предоставлено право самостоятельно выставлять оценки за поведение. Был завершен переход школ на бесплатные учебники, увеличены лимиты на приобретение учебного инвентаря и оборудования. Возрос средний расход на одного учащегося: если в 1980 г. он составлял 315, то в 1985 г. – 408, а в 1988 – 474 руб. [25. Д. 741. Л. 96]. Таким образом, хотя предусмотренные реформой показатели оснащенности общеобразовательных учреждений достигнуты не были, в течение второй половины 1980-х гг. материально-техническая база системы образования существенно укрепилась.

Еще одной проблемной областью в функционировании местных школ являлось кадровое обеспечение. К основным формам комплектования штатов относились распределение выпускников после окончания вузов и ссузов, перевод работников из соседних районов (наиболее характерен для начального этапа строительства), вольный наем в результате прибытия на БАМ «по семейным обстоятельствам». Под последним в кадровых отчетах обычно значились случаи переезда женщин-педагогов вслед за мужьями-строителями. Территориальные источники пополнения педагогических коллективов отличались разнообразием. Наиболее широко были представлены центральные районы РСФСР, Украина, Белоруссия.

В школьных отчетах постоянно описываются ситуации дефицита специалистов, который восполнялся непрофильными совместителями. В результате историю преподавал языковед, химию математик, трудовое обучение, музыку и рисование учитель физкультуры и т.д. Если организовать замены или совместительства было невозможно, то предмет мог просто не преподаваться в течение четверти, полугодия или даже учебного года. Например, на протяжении 1981–1982 учебного года в Звезднинской школе отсутствовали учителя физкультуры и истории [16. Д. 70. Л. 85].

Одной из причин недостатка учителей являлись длительные отпуска сотрудников, связанные не только с уходом за ребенком, но и с досрочной выработкой трехлетнего стажа, необходимого для льготного приобретения автомобиля. Многие бамовцы работали непрерывно два с половиной года, после чего получали вместе с автомобилем возможность полугодового

отдыха. Так, в 1983–1984 учебном году в железнодорожной школе № 21 станции Ния одновременно ушли в длительные отпуска 7 из 16 педагогов [16. Д. 89. Л. 80].

Другой причиной нехватки кадров была их текучесть, вызванная как спецификой транспортного строительства, так и крайне неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями педагогов. Приезжавшие по распределению молодые специалисты нередко чувствовали себя «брошенными на самовыживание». Учитель Тоннельной средней школы рассказывает: «Прибыл в восьмидесятом году в Тоннельный по распределению. Кругом горы, иду, одного окликнул, так он побежал. Я его догнал, спрашиваю, где гостиница, а он: “Ты что, дурак, в общагу иди”. Общага – грязь, вонизм... Вернулся в школу, нашел актовый зал, прямо на столе уснул. Вахтерша принесла грязный матрац. Утром спросил: помыться где? – В Ангаракане (горная река. – Н.Б.). Холодно... Ананьевна, завхоз, взяла мои сумки и бегом в старое здание школы, там и поселила. Комнатка пять квадратов маленькая была. Вот так для меня начался БАМ...»⁵ По архивным документам удалось выяснить, что учителя пос. Тоннельного проживали в здании школы в течение года, пока им не предоставили служебное жилье [33. Д. 42. Л. 21].

Проблемы с заселением возникали и у прибывавших «по вызову». Например, направленный в Северобайкальск для организации музыкальной школы министерством культуры Бурятской АССР С.А. Давыдов так вспоминает свой приезд: «И приехал я на мыс Курлы, нашел замначальника поезда... Тут палатки стояли вдоль реки Тьи в два ряда. Он меня спрашивает: “И чего я сюда приехал?” Я говорю: “Прислали меня сюда организовывать музыкальную школу”. Он глаза вытупил: какая школа здесь, смотри какие условия, и жить, собственно, негде. “Где ты собираешься жить?” Я говорю: “Где все живут, там и я буду жить”. “У нас для тебя жилья нету”. “Да мне отдельного и не надо”. Вошли мы в палатку, там двухъярусные койки солдатские стоят в два ряда, и все буквально занято. Я их сдвинул, место образовалось. Я говорю: “Вот здесь я и буду”»⁶.

Особенно остро проблема нехватки учителей встала во второй половине 1980-х гг., после того как основной объем строительно-монтажных работ был завершен и начался отток населения из районов стройки. В 1988 г. только по иркутскому участку насчитывалось более 27% учительских вакансий. Особенным спросом пользовались учителя русского языка и литературы, иностранных языков, начальных классов [11. Д. 513. 28–29].

На протяжении всего рассматриваемого периода одной из причин кадровой текучести в школах являлись низкие заработки. В среднем по стране в середине 1980-х гг. сохранялся существенный разрыв в оплате труда: ИТР получали на 34,8%, а рабочие – на 28% больше учителей [34. С. 115]. На БАМе разница была более ощутимой из-за применявшихся районных коэффициентов. Для строительных и обслуживающих стройку организаций устанавливался коэффициент 1,7. В число «обслуживающих предприятий» входили также подведомственные Минтрансстрою СССР или вклю-

ченные в специальные перечни школы. В остальных случаях для работников просвещения, здравоохранения и культуры устанавливались более низкие коэффициенты – 1,3–1,4. Таким образом, педагоги двух расположенных по соседству образовательных учреждений могли получать разную зарплату только потому, что одно из них относилось к районной, а другое – к ведомственной системе. В 1986 г. было проведено повышение ставок заработной платы и должностных окладов учителей, введены доплаты за проверку тетрадей, классное руководство, содержание кабинетов. В результате заработная плата педагогических работников возросла более чем на 30%, но тем не менее оставалась одной из самых низких в сравнении с другими профессиями [Там же].

28 сентября 1989 г. X сессия Усть-Кутского городского совета народных депутатов приняла «Программу развития народного образования в Усть-Кутском районе на 1989–1995 гг.», содержание которой дает представление о повседневных трудностях и заботах учителей. В числе основных требований выдвигались следующие: выделять 2% строящегося жилья работникам народного образования; «удовлетворить в 1992–1993 гг. все потребности работников народного образования в садово-огороднических участках»; «при отоваривании промышленными товарами выделить педработникам 25% от общего количества товаров, из всех выделяемых телевизоров и радиотоваров 12% распределять на педработников»; «при выплате заработной платы учителям, работающим с перегрузкой свыше 1,5 ставок, снять ограничения для начисления северных надбавок и поясного коэффициента»; «классным руководителям, работающим в классах, где количество учащихся превышает 25–30 человек, увеличить размер доплаты за классное руководство на 50%» [11. Д. 586. Л. 85–86].

Реализация данной программы формально продолжалась в течение двух лет, после чего она была окончательно свернута из-за недостатка финансирования. За это время серьезных изменений в положении учителей района не произошло. Сроки сдачи жилья продолжали переноситься. Ситуацию усложняли нарастающие экономические проблемы, падение престижа профессии учителя [35. С. 114]. В 1991 г. на иркутском участке БАМа был проведен опрос учителей, который выявил множество социально-бытовых проблем педагогов, прежде всего касавшихся жилья. Из числа опрошенных 63,8% проживали в благоустроенных квартирах, 10,8 – в неблагоустроенных домах, 14,4 – в общежитиях, 2,4 – в съемном жилье. В целом 67,5% учителей, по собственной оценке, нуждались в улучшении жилищных условий. Из них 14,4% простояли в очереди на улучшение жилья уже более десяти лет. На вопрос «Через сколько лет вы надеетесь получить квартиру?» 45,8% ответили, что «не надеются вообще». Кроме того, 49,4% респондентов признались, что испытывают трудности при устройстве детей в дошкольные учреждения, 71 – не удовлетворены качеством медобслуживания, 75,9 – нуждаются в санаторно-курортном лечении [11. Д. 586. Л. 89–92].

Крах советской экономики и радикальные рыночные реформы привели к девальвации национальной

валюты и регулярным задержкам заработной платы. Как отмечают исследователи, в данный период среди учителей «нищета стала хронической» [36. С. 78]. Начавшиеся в 1990-е гг. первые учительские забастовки практически не фиксировались на рассматриваемых территориях, что в числе прочего объяснялось высоким адаптационным потенциалом местных жителей, связанным с «бамовским» опытом выживания в экстремальных условиях. Ведение подсобных хозяйств, торговля, охота, рыбалка и собирательство многим помогали выжить. В воспоминаниях учителей об этом времени часто встречаются свидетельства о прочных горизонтальных связях, поддерживавших местные сообщества после окончания всесоюзной стройки. Типичным представляется рассказ учителя истории Северобайкальской школы: «Я не получала зарплату десять месяцев. Я не знала, что будет есть завтра мой ребенок. И люди каждый день приносили мне кто банку огурцов, кто варенья... Эта поддержка, умение выслушать другого, войти в его состояние остановили меня здесь, помогли сохранить в себе человеческое...»⁷. Несмотря на относительно развитую социальную инфраструктуру поселений притрассовой зоны в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в коллективной памяти учителей это время сравнивалось с начальным этапом строительства БАМа, когда взаимовыручка и коллективизм позволяли преодолеть трудности жилищно-бытовой неустроенности.

Таким образом, становление сети общеобразовательных учреждений, формирование материальной базы и кадрового состава школ, складывание педагогических коллективов протекали в районах БАМа достаточно болезненно. Вследствие постоянного роста населения потребность в учебных заведениях превосходила наличные образовательные ресурсы уже на начальном этапе строительства. В какой степени данные факторы повлияли на эффективность учебно-воспитательной деятельности, ответить сложно, поскольку образовательная статистика не всегда позволяет составить адекватное представление о сложном процессе функционирования системы образования в регионе.

Общая успеваемость в школах БАМа отличалась на протяжении всего рассматриваемого периода стабильно высокими показателями – 98,5–99,5%. В соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР «О мерах по завершению перехода ко всеобщему среднему образованию в РСФСР» районные и городские отделы образования сосредоточили все усилия на обеспечении восьмилетнего всеобщего и переходе ко всеобщему среднему образованию. Если в 1974 г. сохранность контингента учащихся до окончания десяти классов по Северо-Байкальскому району Бурятской АССР составила 58%, то в 1976 г. – уже 72,7%. При этом общая успеваемость также возросла до 98,7% [25. Д. 377. Л. 69]. Качественная успеваемость с развертыванием строительства также увеличивалась из года в год. Во второй половине 1970-х гг. она равнялась 34–38, а в начале 1980-х гг. – уже 40–42% [11. Д. 314. Л. 46].

Муниципальные архивы содержат многочисленные свидетельства «борьбы за успеваемость». Руководители школ, допустившие второгодников или отсева учащихся,

подвергались критике со стороны партийного и советского руководства. Педагоги, успешно завершившие учебный год, представлялись к наградам, званиям и прочим формам поощрения. Похожие тенденции наблюдались на других сибирских стройках и в районах нового освоения. Например, исследователи школ западносибирского нефтегазового комплекса отмечают, что ежегодно показатели общей успеваемости школьников «неуклонно приближались к стопроцентным значениям» [2. С. 288].

При обращении к результатам инспекторских проверок и контрольных срезов в знаниях школьников выявлялись серьезные недостатки. Результаты всероссийской контрольной работы по математике 1980 г. показали, что в школах Казачинско-Ленского района 30% школьников допустили ошибки в вычислениях и уравнениях, 26 – не выполнили тождественные преобразования, 20 – не сумели построить графики функций. При написании диктанта по русскому языку 34% третьеклассников и 44% учащихся четвертых классов сделали ошибки на безударные гласные, 50% – на падежные окончания. Из 176 девятиклассников, писавших сочинение, 125 «не раскрыли тему или не показали достаточной начитанности» [23. Д. 499. Л. 34–45]. В ходе инспекции школ Северобайкальска в 1983 г. было обнаружено, что более трети учащихся не владели навыками правописания гласных и были мало знакомы с текстами литературных произведений [25. Д. 635. Л. 62].

Другим важным показателем эффективности обучения является количество учащихся, продолживших образование после школы в высших и средних профессиональных учебных заведениях. В конце 1970-х гг. в СССР на дневные отделения вузов поступали 19–22% выпускников, ссузов – 32–34%. На всех формах профессионального обучения было занято более половины выпускников десятых классов [37. С. 534, 550–551]. Доля продолживших образование среди выпускников бамовских школ была несколько ниже общесоюзных показателей. Например, в 1978 г. среди выпускников школ иркутского участка стройки в вузы поступили 16,3%, в средние специальные учебные заведения – 19,2%, в профтехучилища – 9,3% [11. Д. 235. Л. 158]. Через десять лет, в 1988 г., количество поступивших в вузы и ссузы по школам БАМа сократилось, составив 9,8 и 10,8% соответственно, в то время как число поступивших в ПТУ возросло до 21,5% [23. Д. 533. Л. 59–60].

Наряду с переполненностью школ, слабой материально-технической базой, а также общей неустроенностью молодых поселений, на качество образования оказывала влияние повышенная мобильность всех участников образовательного процесса. Многие семьи в это время приезжали на стройку на два-три года ради заработков или целевых чеков на льготное приобретение автомобиля. Высокая миграционная активность населения, связанная с передвижным характером работ, приводила к регулярному обновлению как педагогических коллективов школ, так и контингента учащихся.

Все это снижало социальный контроль над образованием. Ротация кадров отрицательно влияла на сте-

пень ответственности педагогов за своих учеников. Заместитель главы администрации Муйского района вспоминал: «В старых поселках учитель знает родителей каждого своего ребенка. Родители знают учителей своих детей. Поэтому учителю стыдно давать не совсем те уроки и знания, которые ребенок должен получить... Здесь двигало человеком только одно: заработать машину, квартиру, гараж и что-то там еще... Часы хорошие – зарплата неплохая. Поэтому взял тридцать часов в неделю и давай-давай-давай. Когда учитель нахватывал по тридцать с лишним часов в неделю, я все время говорил: “Вы уже из учителей превращаетесь в урокодателей!”»⁸. В ходе областных проверок качества уроков нередко выявлялись многочисленные нарушения. Например, проведенная в 1983 г. на чингинском участке БАМа проверка показала, что в Новочарской средней школе только 9% уроков отвечают современным требованиям, 30% проведены с грубыми методическими ошибками [18. Д. 513. Л. 48].

Следует обратить внимание на тот факт, что у бамовцев не было привычных для советских семей дедушек и бабушек. Рабочие редко перевозили в зону стройки своих родителей. В результате большую часть внешкольного времени дети были предоставлены сами себе, что в условиях недостатка мощностей общего и дополнительного образования являлось одной из предпосылок роста преступности среди несовершеннолетних. В первую очередь это касалось таких крупных центров, как Усть-Кут, Магистральный, Северобайкальск. Если в 1977 г. школьниками Усть-Кутского района было совершено только 4 преступления, в 1980 г. зарегистрировано 8 случаев, а в 1983 г. – уже 26 [11. Д. 379. Л. 49–52]. Во второй половине 1980-х гг. в районе ежегодно регистрировалось более 50 преступлений среди несовершеннолетних [Там же. Д. 513. Л. 41–43].

Более неблагоприятная обстановка сложилась на бурятском участке стройки. Так, в 1984–1985 гг. на учете в ИДН находились 75 учащихся Северо-Байкальского района и 80 учащихся города Северобайкальска. За год только в школах города было совершено 115 правонарушений [38. С. 3]. Более половины подростковых правонарушений составляли уголовные преступления (кражи, угоны автотранспортных средств, хулиганство). Около четверти относилось к нарушениям общественного порядка [39. Д. 31. Л. 9–12]. Настоящей проблемой для педагогов стало употребление школьниками алкоголя. Соцопрос, проведенный среди второклассников средней школы пос. Звездного, показал, что 50% мальчиков родители угощали спиртным во время праздничных застолий [16. Д. 21. Л. 149–155].

Низкие результаты учащихся, выявляемые в ходе различных проверок, объясняются также общим приоритетом воспитательной работы нередко в ущерб качеству знаний. Одна из выпускниц вспоминает: «Вообще не помню, чтобы я и мои друзья по школе просили за выполнением школьных домашних заданий, а вот когда успевали посещать кружки, секции, организовывать различные мероприятия и выполнять всякие общественные нагрузки, совсем не понимаю. Мы были пионерами, а девиз пионера: “Будь готов! – Всегда готов!”... Мы помогали ветеранам войны по хо-

зяйству... Шефствовали над школьниками младших классов, по договоренности учителей со строительно-монтажным поездом работали на его объектах... регулярно ходили или ездили на экскурсии, играли в «Зарницу», переписывались с ровесниками из других стран, два раза в год... ходили в походы, участвовали во всяких конкурсах и акциях...» [13. С. 249].

Сами педагоги в своих воспоминаниях объясняют трудности, с которыми столкнулись в бамовских школах, нехваткой организаторского и педагогического опыта: «Сложность была в том, что в отличие от районных школ здесь все нужно было заново создавать, тем более коллектив учителей молодой. Ну а пока эти традиции складывались... Мы, конечно, в первое время отставали в спортивных или творческих соревнованиях, конкурсах от старых школ района. Ну а потом, уже года через три-четыре, наработали и выровнялись, принимали участие наравне со всеми»¹.

В целом, несмотря на выявленные проблемы в подготовке школьников, в воспоминаниях учителей о своих подопечных часто подчеркивались их заинтересованность в предмете, «начитанность» и прочие положительные качества: «Дети здесь отличались более широким кругозором, они были более целеустремленными, плюс влияла среда семей, так как на БАМ выезжали все-таки не самые худшие»⁴.

Высокая мотивация многих учащихся была связана как с идеологическими, так и с прагматическими факторами. С одной стороны, советский миф о БАМе активно внедрялся в работу со школьниками, которым внушалась мысль, что они оказались в эпицентре большой истории. С другой стороны, необходимость частой смены школ, как и временность пребывания на стройке в целом, осознавались многими ребятами, особенно старшеклассниками, как серьезное препятствие качественной подготовке, а также как источник возможных трудностей адаптации в новом коллективе.

Сильные стороны позднесоветского образования были обусловлены его скрытым разнообразием. В основе данной диверсификации лежали различные представления о том, как будет выглядеть человек будущего, которого предполагали формировать в ходе образовательного процесса [28. С. 10–11]. Советская пропаганда описывала БАМ как о «дорогу в будущее», «стройку века», «путь к коммунизму». Многие комсомольцы-идеалисты воспринимали ударную стройку как свободное от советской двойственности и формализма пространство, наполненное возможностями обновления «застоявшейся» жизни.

Как справедливо отмечают исследователи, ни одна школа в Советском Союзе не могла отказаться от политизированных и идеологизированных форм работы, которые обусловили перегрузку школьных программ, а также развитие формального отношения учителей и учащихся к содержанию учебно-воспитательного процесса [26. С. 17]. В условиях позднего социализма идеологический дискурс партии и государства перестает интерпретироваться буквально, что позволяет советским людям формировать сложное и дифференцированное отношение к нормам и ценностям системы. В зависимости от контекста они могли их отвер-

гать, переосмысливать или производить новые, что постепенно изменяло «весь дискурсивный режим» советской системы «изнутри» [40. С. 2].

Процесс диверсификации протекал постепенно и достиг максимума к концу перестройки. В это время в бамовских школах начались эксперименты по созданию классов с углубленным изучением определенных предметов, с обучением иностранному языку в начальной школе. В условиях географической удаленности и транспортной малодоступности районов стройки учителя нередко оказывались более свободными в выборе методики и содержания преподаваемых предметов в сравнении с коллегами на «большой земле». Учитель истории Магистральнинской средней школы вспоминает: «Нам было дано больше возможностей поэкспериментировать. Как-то нас тут никто не зажимал. Эксперименты даже приветствовались. У меня друг углубился в методику Шаталова, опробовал ее на истории, и очень даже здорово получалось»¹.

В большей степени школьная программа регламентировала урочное обучение. При этом внеклассная работа всегда сохраняла вариативность. Популярностью в школах пользовались экологические проекты и спортивный туризм, поисково-краеведческая деятельность при школьных музеях, эстетическое воспитание. Интересы учащихся подогревались молодостью (средний возраст учителей составлял 25–30 лет) и инициативностью педагогов, которые большую часть своего времени проводили на работе.

Партийные и советские органы управления не имели в новых поселениях привычного влияния. Гораздо большими властными полномочиями обладали руководители строительно-монтажных поездов, тоннельных и мостостроительных отрядов и других предприятий. В рамках шефской помощи школам они не только проводили текущий ремонт или закупку необходимого инвентаря, но и организовывали внеклассные мероприятия, вели кружки и спортивные секции.

В условиях ограниченного выбора возможностей для досуга в новых поселениях школы становились центрами различных активностей. Особенно много внимания уделялось физическому воспитанию: «Тесная дружба была с комсомольско-молодежными бригадами. Они к нам приезжали, помогали мероприятию проводить... Спортзала у них не было, они приходили к нам играть. Многие из них вели секции: по шахматам, по хоккею, туристический клуб. Ребята с удовольствием с ними ходили в походы. Учитель мог их не сопровождать. Может, в этом и была свобода, что у взрослых доступ в школу не ограничивался...»¹.

Из-за нехватки учебных помещений спортзалы, бассейны, хоккейные коробки возводились методом «народной стройки», нередко на собственные деньги. Привлекаемые в качестве шефов строительные организации выделяли на такие объекты средства из сметы на временные производственные сооружения. В результате бассейн в документах мог значиться как открытая пожарная емкость, а спорткомплекс – как склад. Шефы обеспечивали школьников спортивным инвентарем и униформой. Например, учитель средней школы пос. Тоннельного вспоминает, как вывозил школьную хоккейную

команду на областные соревнования в Улан-Удэ: «На республику в 1984 г. дети приехали с “Адиасом”, с фирменными клюшками “Кохо”, на пластиковых коньках “Сальво”. Когда наши ребята выиграли, то им подарили советские клюшки, они их просто раздали всем желающим»⁵. Таким образом, бамовские дети могли резко выделяться среди сверстников на «большой земле» как внешним видом, так и поведением.

Поскольку строители съезжались на БАМ с разных концов страны, здесь создавалась возможность более интенсивного обмена информацией, в том числе и находящейся под запретом советской цензуры. Часто это касалось событий советской истории. Например, ленинградские строители, занятые на возведении Северобайкальска, были в основном из семей ветеранов, из-за чего северобайкальские школьники «знали правду о блокаде» еще до начала политики гласности⁹. Кроме того, в школы попадали официально не признаваемые или запрещаемые произведения литературы и искусства. Особенно часто в воспоминаниях встречаются эпизоды, связанные с музыкальной и песенной культурой: «Администрация школы совместно с милицией частенько устраивали рейды по дискотекам. Мы, конечно, разбегались со скоростью тараканов при неожиданном включении света на общежитской кухне. Кто, как и где доставал записи, сильно никто не распространялся. Но при желании можно было иметь все: и закрытые концерты Высоцкого, и “Машину времени”, и Элтона Джона, и “Битлов”, и любых итальянцев...» [13. С. 252].

Еще одна важная особенность школьников БАМа – несвойственная советским детям предприимчивость. В воспоминаниях выпускников нередко встречаются истории о первых заработках, самостоятельном приобретении одежды, спортивного инвентаря или техники (мопед, магнитофон), продажах дефицитных вещей сверстникам с «большой земли». С одной стороны, такая практичность вырастала скорее из общей неустроенности жизни на БАМе, нежели из вектора на политехнизацию школ или прочие официальные идеологические тренды перестройки. С другой стороны, оказывало влияние семейное окружение, так как у многих рабочих преобладали меркантильные мотивы приезда на БАМ. Часто в семьях устанавливался режим строгой экономии, поскольку оба родителя одновременно подавали заявки на покупку машины и выплачивали стоимость сразу по двум целевым чекам. В рассказах практически всех учителей присутствуют сюжеты о голодных обмороках детей или о выделении им бесплатных школьных обедов из-за того, что весь доход родителей уходил на погашение «автомобильного кредита».

Таким образом, в районах стройки в кратчайшие сроки была сформирована разветвленная сеть общеобразовательных школ. По темпам и масштабам процесс ее становления может быть сопоставим с периодом всеобщей ликвидации безграмотности в СССР. По специфике возникновения можно выделить четыре типа бамовских школ: существовавшие до БАМа «старые» школы, которые благодаря стройке смогли укрепить свою материально-техническую базу; временные шко-

лы, организованные для детей строителей, которые с завершением строительства были упразднены или переведены в постоянные здания; школы в капитальном исполнении, построенные бамовцами для территориальной или ведомственной (железнодорожной) сетей образования.

Школьное строительство постоянно отставало от реальных потребностей населения, что было вызвано остаточным принципом финансирования народного образования в СССР, распылением средств на множество объектов, ведомственной разобщенностью в процессе возведения школ, задержками в подготовке проектно-сметной документации, перебоями в снабжении стройматериалами, оборудованием и инвентарем. Неконтролируемость потоков трудовых мигрантов и подвижность контингента, вызванная особенностями транспортного строительства, создавали объективные трудности в расчете потребностей населения в мощностях учебных заведений. Все это влекло за собой перегруженность учебных площадей и педагогов, многократно превышавшую установленные нормы. Многие школы оказались не в состоянии охватить учащихся всеми формами работы и были вынуждены отказаться от кружков, факультативов, групп продленного дня. Материально-техническое состояние большинства школ также находилось на низком уровне: в помещениях не соблюдался температурный режим, отсутствовали специальная мебель и учебное оборудование, ощущались перебои в организации горячего питания и медицинского обслуживания учащихся.

Несмотря на все материальные и организационные трудности, школы строителей БАМа превосходили

учебные заведения соседних регионов по таким показателям, как политехнизация, внедрение инновационных методик обучения и прочие формы диверсификации образовательного процесса. Это достигалось за счет личного энтузиазма и молодого возраста педагогов, культурного обмена между представителями разных регионов («БАМ строит вся страна»), слабого партийно-идеологического контроля над учреждениями образования в условиях района нового освоения. Школы не только выполняли образовательные функции, но и являлись просветительскими и досуговыми центрами строителей, для которых организовывались воскресные университеты, лекции, занятия спортом, художественной самодеятельностью, туризмом, краеведением и т.д.

Значительные успехи в развитии бамовских школ были связаны с реализацией строительного проекта. После завершения комсомольской стройки перспективы большинства населенных пунктов, расположенных в зоне влияния БАМа, оказались размытыми. Из-за оттока населения загрузить рассчитанные на значительный контингент учащихся новые школы не удалось. Одновременно усилился дефицит педагогических работников. Железная дорога в рыночных условиях превратилась в убыточное предприятие, что привело к передаче ведомственных школ в муниципалитеты, которые не могли в полном объеме содержать все имеющиеся объекты. В результате часть школьного фонда была переведена в другие ведомства или приспособлена под выполнение иных функций. Некоторые здания были заброшены и со временем разобраны местными жителями.

Примечания

1. Полевые материалы автора (ПМА): интервью с учителем истории, пос. Магистральный, 2019 г.
2. ПМА: интервью с бывшим главой администрации, пос. Магистральный, 2019 г.
3. ПМА: интервью с учителем химии, пос. Новый Уоян, 2004 г.
4. ПМА: интервью с бывшим директором Таксимовской средней школы № 1, г. Улан-Удэ, 2002 г.
5. ПМА: интервью с учителем Тоннельной средней школы, пос. Новый Уоян, 2004 г.
6. ПМА: интервью с преподавателем Северобайкальской школы искусств, г. Северобайкальск, 2004 г.
7. ПМА: интервью с учителем истории, г. Северобайкальск, 2002 г.
8. ПМА: интервью с работником администрации Муйского района, пос. Таксимо, 2002 г.
9. ПМА: интервью с учителем истории, г. Северобайкальск, 2002 г.

Список источников

1. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : Нефтегазовый ун-т, 2002. 282 с.
2. Кирилук Д.В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.). Курган : Курганский Дом печати, 2019. 400 с.
3. Файзуллина Н.К. Школьное образование Западной Сибири в середине 1950-х – середине 1960-х гг. (на материалах Омской, Томской и Тюменской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 192 с.
4. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск : Наука, 1991. 240 с.
5. Куксанова Н.В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1956–1980 гг.). Новосибирск : Наука, 1993. 223 с.
6. Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск : СибГТУ, 2007. 253 с.
7. Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК, 1955–1980. Новосибирск : Наука, 1988. 238 с.
8. Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт : (исторический аспект). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 250 с.
9. Кин А.А. Регионально-транспортный мегапроект БАМ: уроки освоения // Регион: Экономика и Социология. 2014. № 4 (84). С. 55–72.
10. БАМ: строительство и хозяйственное освоение / А.Г. Аганбегян и др. М. : Экономика, 1984. 144 с.
11. Архивный отдел администрации Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области (АО УКМО). Ф. Р-29. Оп. 1.
12. МКУ «Управление культуры и архивного дела муниципального образования “Северо-Байкальский район” Республики Бурятия» (УКАД СБМО). Ф. Р-14. Оп. 1.
13. История Северо-Байкальского района / сост. Т.П. Темникова. Улан-Удэ : Нова-Принт, 2015. 600 с.
14. Байкалов Н.С. «Обживая стройку века»: пространство повседневности и жилищная мобильность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970–1980-е гг.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 998–1016. doi: 10.21638/11701/srbu24.2018.414
15. Трасса мужества. Бурятский участок БАМа / ред.-сост. П.Л. Натаев. Улан-Удэ : Респ. тип., 2005. 271 с.
16. АО УКМО. Ф. Р-34. Оп. 1.
17. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-2002. Оп. 1.

18. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-927. Оп. 1.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-9538. Оп. 16.
20. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И.В. Гордиенко. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. 217 с.
21. ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 12.
22. Историческая справка об открытии образовательных учреждений Северобайкальского отделения ВСЖД ОАО РЖД // Отдел архивов № 5 Службы управления делами ВСЖД филиала ОАО РЖД.
23. Архивный отдел администрации Казачинско-Ленского муниципального района Иркутской области (АО КЛМР). Ф. Р-1. Оп. 1.
24. Архивный отдел администрации муниципального образования «Город Северобайкальск» Республики Бурятия. Ф. Р-2. Оп. 1.
25. УКАД СБМО. Ф. Р-1. Оп. 1.
26. Молоков Д.С. Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х – первой половины 80-х годов. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2004. 148 с.
27. Овчинников А.В. О реформе советской школы 1984 года // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 190–194.
28. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М. : Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
29. Байкалов Н.С. Производственный травматизм и охрана труда при строительстве западного участка БАМа (1970-е – 1980-е годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 226–242. doi: 10.24224/2227-1295-2019-8-226-242
30. АО КЛМР. Ф. Р-39. Оп. 1.
31. АО КЛМР. Ф. Р-43. Оп. 1.
32. Забота партии и правительства о благе народа : сб. док. М. : Политиздат, 1985. Кн. 3, ч. 2. 511 с.
33. Архив администрации муниципального образования «Муйский район» Республики Бурятия. Ф. Р-4. Оп. 1.
34. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М. : ИЭА РАН, 2015. 228 с.
35. Валиева Е.Н. Основные аспекты демократизации сибирской школы на рубеже 80–90-х гг. XX в. // Интерэкспо ГЕО – Сибирь. 2016. Т. 6, № 1. С. 112–116.
36. Мищенко А.Н. Социально-профессиональный портрет южноуральского школьного учителя постсоветской эпохи (на примере Челябинской области) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7 (51). С. 77–80.
37. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейный стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987. 766 с.
38. Школа – забота общая // Северный Байкал. 1984. 6 сент.
39. АО КЛМР. Ф. Р-38. Оп. 1.
40. Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). С. 1–12.

References

1. Gavrilova, N.Yu. (2002) *Sotsial'noe razvitiye neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964–1985 gg.)* [Social development of oil and gas producing regions of Western Siberia (1964–1985)]. Tyumen: Neftegazovyy un-t.
2. Kirilyuk, D.V. (2019) *Razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v Yugre (1945–1991 gg.)* [Development of school education in Ugra (1945–1991)]. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati.
3. Fayzullina, N.K. (2010) *Shkol'noe obrazovanie Zapadnoy Sibiri v seredine 1950-kh – seredine 1960-kh gg. (na materialakh Omskoy, Tomskoy i Tyumenskoy oblastey)* [School education in Western Siberia in the mid-1950s - mid-1960s. (Omsk, Tomsk, and Tyumen regions)]. History Cand. Diss. Tyumen.
4. Bukin, S.S. (1991) *Opyt sotsial'no-bytovogo razvitiya gorodov Sibiri (vtoraya polovina 1940-kh – 1950-e gg.)* [Social development of Siberian cities (second half of the 1940s – 1950s)]. Novosibirsk: Nauka.
5. Kuksanova, N.V. (1993) *Sotsial'no-bytovaya infrastruktura Sibiri (1956–1980 gg.)* [Social infrastructure of Siberia (1956–1980)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Rafikova, S.A. (2007) *Byt rabochey sem'i Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody* [The life of a working family in Western Siberia in the 1960s]. Krasnoyarsk: SibGTU.
7. Dolgolyuk, A.A. (1988) *Formirovaniye trudovykh kollektivov Bratsko-Ust'-Ilimskogo TPK, 1955–1980* [Labor collectives of the Bratsk-Ust-Ilim TPK, 1955–1980]. Novosibirsk: Nauka.
8. Tsykunov, G.A. (1991) *Angaro-Eniseyskiy TPK: problemy i opyt: (istoricheskiy aspekt)* [Angara-Yenisei TPK: problems and experience: (a historical aspect)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Kin, A.A. (2014) The Baikal-Amur regional and transport megaproject: lessons from exploitation. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 4(84). pp. 55–72. (In Russian).
10. Aganbegyan, A.G. et al. (1984) *BAM: stroitel'stvo i khozyaystvennoe osvoenie* [BAM: construction and economic development]. Moscow: Ekonomika.
11. The Archival Department of the Administration of the Ust-Kutsk Municipal Formation of the Irkutsk Region (AO UKMO). Fund R-29. List 1.
12. MKU Department of Culture and Archival Affairs of the Municipal Formation “Severo-Baikalsky District” of the Republic of Buryatia (UKAD SBMO). Fund R-14. List 1.
13. Temnikova, T.P. (2015) *Istoriya Severo-Baykal'skogo rayona* [History of North-Baikal Region]. Ulan-Ude: Nova-Print.
14. Baykalov, N.S. (2018) “Living the project of a century”: the space of everyday life and housing mobility of the builders of the Baikal-Amur Railway (1970–1980s). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8(4). pp. 998–1016. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.414
15. Nataev, P.L. (ed.) (2005) *Trassa muzhestva. Buryatskiy uchastok BAMa* [The track of courage. The Buryat section of BAM]. Ulan-Ude: Resp. tip.
16. The Archival Department of the Administration of the Ust-Kutsk Municipal Formation of the Irkutsk Region (AO UKMO). Fund R-34. List 1.
17. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-2002. List 1.
18. The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund R-927. List 1.
19. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund R-9538. List 16.
20. Gordienko, I.V. (ed.) (1999) *BAM na territorii Buryatii: istoriya stroitel'stva, ee rol' v khozyaystvennom osvoenii regiona* [The BAM on the territory of Buryatia: the history of construction, its role in the regional economic development]. Ulan-Ude: SB RAS.
21. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-8. List 12.
22. Russia. (n.d.) *Istoricheskaya spravka ob otkrytii obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Severobaykal'skogo otdeleniya VSZhD ОАО RZhD* [Historical note on the opening of educational institutions of the Severobaikalsk branch of the Higher Railways of Russian Railways]. Department of Archives No. 5 of the Administration Service of the Higher Railways of the branch of Russian Railways.
23. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-1. List 1.
24. The Archival Department of the Administration of the Municipal Formation “Severobaikalsk” of the Republic of Buryatia. Fund R-2. List 1.
25. MKU Department of Culture and Archival Affairs of the Municipal Formation “Severo-Baikalsky District” of the Republic of Buryatia. Fund R-1. List 1.
26. Molokov, D.S. (2004) *Tendentsii razvitiya sovetskoy obshcheobrazovatel'noy shkoly vtoroy poloviny 60-kh – pervoy poloviny 80-kh godov* [Trends in the development of the Soviet secondary school in the second half of the 1960s – the first half of the 1980s]. Yaroslavl: Yaroslavl SPU.
27. Ovchinnikov, A.V. (2014) On the Soviet School Reform of 1984. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. 4(18). pp. 190–194. (In Russian).

28. Safronov, P., Mayofis, M. & Kukulin, I. (eds) (2015) *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: The Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
29. Baykalov, N.S. (2019) Industrial Injuries and Labor Protection during the Construction of the Western Section of the BAM (1970s – 1980s). *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 8. pp. 226–242. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-226-242
30. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-39. List 1.
31. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-43. List 1.
32. USSR CPSU. (1985) *Zabota partii i pravitel'stva o blage naroda* [The care of the party and government for the welfare of the people]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
33. The Archive of the Administration of the Municipal Formation “Muisky District” of the Republic of Buryatia. Fund R-4. List 1.
34. Belova, N.A. (2015) *Povsednevnyaya zhizn' uchiteley* [Everyday Life of Teachers]. Moscow: IEA RAS.
35. Valieva, E.N. (2016) Osnovnye aspekty demokratizatsii sibirskoy shkoly na rubezhe 80–90-kh gg. XX v. [The main aspects of the democratization of the Siberian school at the turn 1990s]. *Interesno GEO – Sibir'*. 6(1). pp. 112–116.
36. Mishchenko, A.N. (2018) Social and professional portrait of the South Ural school teacher in the post-Soviet era (a case-study of Chelyabinsk region). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 7(51). pp. 77–80. (In Russian). DOI: 10.24158/fik.2018.7.15
37. The USSR State Committee on Statistics. (1987) *Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let* [The national economy of the USSR for 70 years]. Moscow: Finansy i statistika.
38. *Severnyy Baykal*. (1984) Shkola – zabota obshchaya [School is a common concern]. 6th September.
39. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-38. List 1.
40. Yurchak, A. (2007) Pozdnyy sotsializm i poslednee sovetskoe pokolenie [Late socialism and the last Soviet generation]. *Neprikosnovenny zapas*. 2(52). pp. 1–12.

Сведения об авторе:

Байкалов Николай Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Улан-Удэ, Россия). E-mail: baikalov@bsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Baykalov Nikolay S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Buryatia, D. Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: baikalov@bsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2020; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 08.04.2020; accepted for publication 07.09.2022